

ЗА СТРОКОЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перед нами только что вышедший первый номер журнала «Октябрь» с новым романом В. Астафьева.

«ПЕЧАЛЬНЫЙ детектив». Название романа можно понять, пожалуй, двояко. Оно звучит как характеристика главного героя — вчерашнего работника уголовного розыска, оперативника, отягощенного горьким грузом былой службы и начинающего в 42 года новую жизнь — жизнь провинциального литератора. Вот оттого детектив и печальный, что весь он в терзаниях, муках, думах: «...все это жизнь, все это реальность, товарищ Сошнин. Вот в осмысли ее, поднимись до понимания правды жизни, иначе зачем и для чего, не умея в руках держать топор, лезть в плотники?» Но можно, наверно, прочитать название романа и по-другому: печальная детективная история, ведь то, о чем в ней

рассказывается, печально, иногда даже более, чем печально, — страшно. Однако у этой грустной истории своя оптимистическая сверхзадача: борьба с грязью, с бездуховностью, борьба за утверждение высоких нравственных начал.

— Мой маленький роман «Печальный детектив» родился из замысла рассказа. Я долго прицеливался, что поставить, какое слово — «рассказ» или «роман», потом понял: пока не поставлю «роман», не очень-то и получится. А вот когда набрался нахальства и поставил это слово, тогда и организация романная пошла, и появились главы, а не как в рассказе отбивка, и сам материал уже перестал бояться включения побочных веток.

Виктор АСТАФЬЕВ;

Не лишний багаж — благородное сердце

А вообще я очень люблю писать рассказы. Один из новых — «Жизнь прожить» увидел свет в сентябрьской книжке «Нового мира».

...Об этом рассказе В. Астафьев говорил мне во время своего летнего приезда в Москву:

Первоначально он назывался «Как Ванька на Таньку женился», но перерос эту тему, вышел из рамок, обложка разорвалась, он стал шире замысла, и пришлось менять название. Это моя деревня Овсянка, и вы, когда приезжали, наверно, видели этого человека. Точно, видели: мы спускались к Енисею, а он у дома на скамейке сидел. Прочтете рассказ — восстановите, потому что мужик этот хорошо запоминается. Рассказ о простом человеке, моем одногодке. Как трудно сходились они с бабой, как прожили долгие годы вместе, как жена умерла и стало ему плохо, хотя слово «любовь» они нечасто произносили, а может, и вовсе не вымолвили его ни разу, а если и сказали, то так, мимоходом, вроде бы шутя...

Рассказ о сохранении человеческой души, о жизни честной, чистой.

Читая рассказ в журнале, я, конечно, вспомнила, вернее, увидела этого немолодого человека: он сидел на солнце в телогрейке, в старом картузе, завидев Астафьева, приветливо закивал ему... И я подумала, как прав был В. Быков, когда, размышляя о современной литературе, писал: «...почему мы, люди, в силу своего воспитания и образа жизни зачастую далекие от проблем «неперспективных» деревень, быта древних стариков и старух, мало или вовсе неграмотных отшельников... с их размеренным, однообразным и часто примитивным укладом, — почему мы частенько с куда большим интересом и участием читаем об их трудах и заботах или о думах и тревогах скромного железнодорожного рабочего с маленького, затерянного в необозримой степи полустанка, нежели о блестящих научных или служебных успехах тех, кто гораздо нам ближе по опыту жизни, мировоззрению, мироощущению... Почему безграмотный дед из послевоенной деревеньки интереснее иного «интеллектуала»?.. Почему так? Задаю вопрос и предвижу скорый ответ: все дело в таланте автора. Да, и все же...»

Таких вот простых людей и показывает Астафьев в новом своем рассказе. Неумолимо блеснуть цитатой, изысканным словом, они излучают такое неподдельное, натуральное человеческое тепло, такой свет доброты, что невольно тянешься к ним: «Редкий вечер бывали Заплатины на скамейке одни. Все к ним кто-нибудь да лепился, грелся возле них».

В наше время существует множество тестов для определения тех или иных свойств человеческой природы. Астафьевский рассказ «Жизнь прожить», на мой взгляд, превосходный тест на отзывчивость — только равнодушная душа не откликнется на эту человеческую историю.

Иван Тихонович Заплатин и «печальный детектив» Леонид Сошнин находятся в си-

туации, когда они как бы подытоживают свою прежнюю жизнь. Заплатина «мяла жизнь, валяла, утюжила, мочила и сушила», был в ней и рубаж, «который ни в какой российской судьбе... русскому человеку не миновать» — кровавые версты войны, — для него, видно, настал последний этап. А у более молодого Сошнина — писательское многообещающее, но очень трудное начало. И оба оглядываются, всматриваются в прошлое, вдумываются. Вот, например, Сошнин: «он понимал, что надо как-то налаживать свою жизнь, разбираться в ней и, прежде чем вплотную засесть за письменный стол, по-новому, вдумчивей и шире, что ли, осмыслить все, что произошло и происходит с ним и вокруг него, научиться смотреть на людей и понимать их не так, как прежде, глазами ворского и беспощадного «опера», а человека иного предназначения».

— Виктор Петрович, случайно так получилось, что и тот, и другой герой поста-

лен в ситуацию «итога», или намеренно? — «Все эры, эры...», помните, иронизирует друг Сошнина? Конечно, не случайно. Случайного ничего в творчестве не должно быть.

У меня самого жизнь в литературе идет этапами. Сейчас, видите, переход к новому герою. Я все-таки привык к крестьянам, охотникам, рыбакам. Но коль решил продолжать работу над большим военным романом — а там всякие герои, не стану же я собирать роту из одних рыбаков или охотников, — мне надо было опробовать какой-то новый жизненный срез, хотелось испытать себя, посмотреть, на что годен. Сложные ситуации, сложный герой — все преднамеренно.

Сейчас не время для пустяков. И порой просто обидно бывает за автора: ну что же он употребил свой дар на ерунду, мелочь, на красивенькую, дешевенькую неправду! Дела гораздо серьезнее и в быту, и на производстве, и в низах, и в верхах, гораздо серьезнее, чем представляет в потоке своем литература. Нет ощущения большой трагедии, нависшей над нами, над Землей. «Звездные войны», ядерная катастрофа, цивилизации угрожает гибель — в такой тревожный час заниматься «мышинной возней»? Только сильные нравственно, духовно люди способны удержаться на своих плечах мир, уберечь его от распада, разложения, устоять против войны. Мещане, пьяны, ворье, быдло всякое — они не могут противостоять. Хотелось приблизиться к такой личности, к такому герою, который в состоянии противостоять безумию, дикости.

Меня интересовал герой, боже упаси, назвать его идеальным — просто человек совестливый, можно сказать, цельный. И все низкое, что обрушивается на него, на цельного человека, дробит его жизнь, дробит его душу. Он начинает задумываться, почему такое происходит. Начинает с себя. Всегда надо начинать с себя, тогда дойдешь до общего, до общегосударственных, до общечеловеческих проблем. Мы живем среди людей, как в крашеном доме, — сколько ни пишут «Осторожно — окрашено», все равно где-нибудь да мазнешься.

Сама фигура, выбранная мной, давала мне возможность поразмышлять о сегодняшнем дне, о нас, и о кривде, и о правде. Не делал я Сошнина ни выпивохой, ни бабником, но не делал и конфетным. Есть и эгоизм, и чувство усталости, раздражения, даже некоей жестокости — жестокость на жестокость. Но есть и умение сдерживать себя. Смотрите, когда на него налетели трое, он же мог, освирипев, всех их прибить насмерть, и они стояли такой участи. Но если бы Сошнин это сделал, как бы он дальше жил? Он и с Венькой Фоминым, который загнал баб в телятник и грозился их сжечь вместе с телятами, если они не выдадут ему десятку на опохмел, не собирався расправляться, а хотел по-деревенски дать ему раз-другой и отвезти куда следует.

— Сошнин рассуждает так: «Око за око, зуб за зуб, подлость за подлость, да? Да! Да! Однако далеко мы так зайдем...» Так совпало, что ваш роман увидел свет одновременно с фильмом А. Германа «Проверка на дорогах», один из героев которого, командир партизанского отряда Иван Егорович — тоже бывший милиционерский работник, до войны участковый. Нравственная позиция Сошнина схожа с его позицией. В своей вчерашней работе они насмотрелись на самое неприглядное, страшное в жизни, но у обоих благородные сердца, и оба сохраняют веру в человека. Окажись Сошнин на месте Ивана Егоровича, когда тому пришлось решать судьбу перебежчика, готового испугать свою вину, а Ивану Егоровичу очутиться в драматических ситуациях Сошнина, думаю, что они вели бы себя одинаково.

Сошнин в часы и дни, особенно смутные, тянулся к одной и той же книжке, подаренной ему профессором, — к знаменитому литературному сочинению XVII века «Португальские письма» Гийерага. Одна фраза из писем монашки особым трепетом отзывалась в бывшем «опере»: «Но как можете вы быть счастливы, если у вас благородное сердце?»

— Да, не лишний багаж — благородное сердце, и трудно жить с ним, что в том веке, что в нашем, но я всегда настаивал: стремиться нужно именно к этому.

— Виктор Петрович, как в новом романе все «круто посолонено», жестко. И присущее вашей прозе ироническое начало здесь обретает саркастическую хлесткость. Скажем, в рассказе «Жизнь прожить» образ хищницы-невестки — антипода Заплатины выведен хоть и колоритно, но все же с улыбочкой, пусть язвительной. «Мамуля у Клавочки зав производством треста ресторанов, считай что самого главного в городе предприятия. Она вся в золоте, в седом герцогском парике времен короля Людовика Прекрасного, в платье сафари, не то треснувшее на задку от ресторанного харча, не то для фасону испорченное». В романе же, например, редактор, от которого зависит судьба первой книги Сошнина, «местное культурное светило» Сырковасова Октябрина Перфильевна, в своей воинствующей хамской самоуверенности прямо противоположная «печальному детективу», — образ резко сатирический, и, думается, у коллег-писателей и у читателей фамилия «Сырковасова» станет нарицательной.

Когда летом вы рассказывали о замысле рассказа «Жизнь прожить», то заметили, что отправной точкой послужили «Старосветские помещики». А в «Печальном детективе» гоголевские мотивы уже явно проступают, даже напрямую использованы его образы — Бобчинского и Добчинского. Провожали какое-то стольное «сиятельство», и на вокзале собралась городская «общественность». Среди других были местные Добчинский и Бобчинский, которые «с умелой готовностью поддерживали под круглую попку «сиятельство», а оно все норовило ускакнуть, вывалиться и то и дело, к восторгу Добчинского и Бобчинского, вываливалось», а потом они «спотыкаясь, бежали за поездом, норовили дотронуться до «ручки», и будь у поезда скорость гоголевских времен, они б и до Москвы добежали, не заметив того».

— Ну что ж, услужливый холуй по сути своей не изменился.

Сегодня Гоголь — мой кумир... Огромный писатель, еще многими, думаю, и не прочитанный как следует. А я уже, шшшш, «созрел», стал приличным читателем.

— Роман опубликован. Что вы пишете сейчас?

— Рассказы. Скопилось их у меня в голове много. Задумал сделать сборник. Теперь он уже почти готов — в «Современнике» будет издаваться. А пишутся рассказы как-то по-чудному: те, что, казалось, должны бы возникнуть раньше, появились позже, и, видно, не случайно: трудное и созревает долго. Нет пока рассказа, который я хотел было назвать сборник, — «Умолкнул соловей». А рассказ именно такой. Во время войны поет в самодельных коллективах парнишка, звонко, прекрасно, талантливо поет. И старый профессор из эвакуированных, а в сибирский город были эвакуированы столичный оперный театр, консерватория, предлагает ему учиться. Но парень уходит на войну, говорит: надо сначала повоевать, а потом петь. А за ним девушка его срывается. Ей кажется, что там, на фронте, она его найдет. Конечно, она его не встретила. Вернулась после войны в родные места. И теперь, когда кто ни запоет похожим голосом, ей кажется, что это он поет. Уже много времени прошло, у нее семья, все отболело, но, слушая знакомую песню, она думает: «Он пел лучше». И такие заключительные слова будут в рассказе: «Умолкнул мой соловей, умолкнул». Пушкина помните: «Вот мельница! Она совсем уж развалилась; Веселый шум ее колес умолкнул...». Умолкнул — вот какое хорошее слово!

— Этот рассказ созвучен концу главы «Гори, гори ясно» в «Последнем поклон»: «В ту пору мне казалось, что я буду дасти, а «моя» девочка станет меня дожидаться. Но время шло и разводило людей по широкой земле. Увело оно куда-то и деревенскую голосистую девочку. Я забыл ее лицо, забыл имя, всю забыл. Осталась лишь песня... я все еще слышу голос, назначенный мне, он все еще достигает меня из темноты деревенского вечера, из пространства времени, разделившего нас, — голос загаданный мною, единственной девочки».

Теперь я знаю: самые счастливые игры — недоигранные, самая чистая любовь — недолюбленная, самые лучшие песни — недопетые...».

— Вы вспомнили «Последний поклон». Я готовлю его переиздание, дополненное, исправленное. И вдруг заявила новая глава, неожиданная — для меня неожиданная, а для книги нет. О творческих возможностях крестьянских детей, которые проявляются хотя бы в выборе имени или клички для собаки, теленка. В новой главе как раз имя теленку дают — Пеструха. Больше всего меня обрадовало, что я сразу попал в тональность книги. Боюсь, что не попаду, ведь много лет прошло. Нет, попал. И бабушка Катерина Петровна действует... Но работу над «Поклоном» закончу уж после сборника, где будут и рассказы, и «Печальный детектив».

Беседа вела Ирина РИШИНА